

КВАНТОВЫЙ БУМЕРАНГ

Почему ваша
психика всегда
возвращается
туда, откуда
началась

Метод 42:

Фрактальная онтология
сознания

Феникс Фламм

ФРАКТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Феникс Фламм

Квантовый бумеранг

«Автор»

2026

Фламм Ф.

Квантовый бумеранг / Ф. Фламм — «Автор»,
2026 — (ФРАКТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ)

«Квантовый бумеранг» — книга о том, почему и как человек возвращается к тому, от чего, казалось бы, давно ушёл: к прежним страхам, утратам, защитам, вопросам, людям и самому себе. Особое место в книге занимает образ Мэрелин Монро. Здесь она не икона Голливуда. Не иллюстрация к чужой теории. Не биографический пример. Она — символ прожитого бумеранга: та же структура, только без формул. Без названий. Без знания о том, что с ней происходит. Автор исследует петлю Монро: отклонение, порог, защиту, срыв, разворот, возвращение — уже не в прежнюю точку, а в новый контекст. Здесь арифметическая загадка становится точкой входа в разговор о психике; квантовый бумеранг — образом возвратной динамики; повторение перестаёт быть простым признаком поражения. «Квантовый бумеранг» соединяет арифметику, физику, психологию, биографию и философию в одну карту возвратности. Это книга о том, как понять: возвращение может быть не поражением, а движением.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Единство без тождества	6
1. Нью-Йорк. 1958	6
2. В это же время. Нью-Джерси	7
3. Стэнфорд. 2024	9
4. Моя кухня. Наши дни. Ночь	11
5. Образ, который соединяет всех	13
Часть I. Арифметика	14
Глава 1. Число, которое не ломается навсегда	14
1.1. Магия	14
1.2. Первый переход	14
1.3. Возврат	15
1.4. Гамма	15
1.5. Дыхание	16
1.6. Теорема	17
1.7. Вывод	18
Глава 2. Тридцать шесть	19
Глава 3. Формула бумеранга	24
3.1. Скрытая сумма	24
3.2. Переносы	24
3.3. Прыжки на девять	24
3.4. Шесть свойств	25
3.5. Вывод	25
Глава 4. Сорок пять	27
Глава 5. Статистика возвратов	30
5.1. Плотность	30
5.2. Как именно падает плотность	30
5.3. Что значит примерно двадцать процентов	30
5.4. Вывод	31
Глава 6. Сколько раз ты вернёшься	32
Часть II. Физика	35
Глава 7. Эффект 2022 года	35
7.1. Эксперимент	35
7.2. Почему это произошло	35
7.3. Параллель	36
7.4. Вывод	36
Глава 8. Почему волны возвращаются	38
Глава 9. Почему физика подтверждает математику	42
9.1. Волновая природа	42
9.2. Скрытая сумма как волна	42
9.3. Неупорядоченность как условие	43
9.4. Вывод	43
Глава 10. Восьмой день и восемь дублей	44
Часть III. Психика	47
Глава 11. Формула психической суммы	47
11.1. Видимое состояние	47
11.2. Полный потенциал	47

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Феникс Фламм

Квантовый бумеранг

Пролог. Единство без тождества

1. Нью-Йорк. 1958

Свобода редко начинается с большого жеста. Чаще она начинается с микроскопической задержки между тем, что от вас требуют, и тем, что вы готовы сделать.

Мэрилин Монро сидела в своей квартире на тринадцатом этаже. Большая комната. Высокие потолки. Камин. Шторы задёрнуты. Она сознательно уехала из Голливуда, чтобы изучать актёрское мастерство, и считала Нью-Йорк своим настоящим домом.

Тринадцатый этаж. Она не верила в приметы. Но отмечала их. Как отмечают погоду. Как отмечают всё, что не зависит от тебя.

Она сидела в кресле. Не двигалась. Смотрела на стену. Молчала.

Съёмки «Принца и танцовщицы» закончились. Муж уехал. Актриса не работает. Психиатр приходит каждый день.

Она была, пожалуй, самой известной и желанной женщиной в мире. И возможно самой одинокой.

Она прикурила сигарету. Долго держала дым. Не вдыхала. Отпустила.

В зеркале блондинка. Улыбка. Глаза пустые.

Она встала и подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.

Тишина.

— Знаешь, — сказала она своему отражению, — им нравится эта блондинка. Пустышка.

Им нравится, что я глупая.

Отражение молчало.

— Я не глупая, — сказала Монро. — Но им не нужно это знать.

Она усмехнулась. Кокетливо. Как учили.

Потом отвернулась.

Потом заплакала.

2. В это же время. Нью-Джерси

Филип Андерсон сидел в маленькой комнате на третьем этаже лаборатории Bell. Тесно. Стол. Лампа. Стул. Окно во двор. На столе лист бумаги, карандаш, чашка кофе, остывшая час назад.

В руке вторая чашка. Он не пил. Просто держал.

Он закрыл дверь комнаты. Плотно. Как закрывают дверь от снега. Без злости. Но основательно.

Это была его привычка. Когда он думал он не любил, когда входят. Даже с кофе. Даже с хорошими новостями.

Он отпил. Кофе был холодный. Он не заметил.

Он думал о беспорядке. Не о хаосе хаос скучен. О беспорядке: структуре, которой не видно. Примеси в кристалле. Дефекты в решётке. Шум, встроенный в систему.

Физики того времени говорили: частица уйдёт. Не вернётся. Навсегда. Это было очевидно. Это было просто. Это было удобно.

Андерсон не верил.

Он поставил чашку. Взял карандаш. Начал писать. Формулы. Символы. Стрелки. Он писал быстро, почти не глядя на бумагу. Потом останавливался. Смотрел в стену. Снова писал.

Он писал три часа. Ничего не находил. Потом посмотрел на результат.

Формула говорила: вернётся.

Он пересчитал. Проверил. Посмотрел в окно. За окном осенний Нью-Джерси. Серое небо. Деревья без листьев. Пустая парковка. Одинокая лампа горит у ворот.

Он смотрел на формулу снова. Вернётся. Откинулся на спинку стула. Закрыл глаза. Взял чашку. Отпил. Холодный. Поставил.

Он вышел из комнаты. В коридоре коллеги. Двое. С кофе.

— Фил, ты три часа там сидел. Что нашёл?

— Частица вернётся.

Коллеги посмотрели на него. Как смотрят на человека, который говорит, что видел слона на дереве.

— Что?

— Частица вернётся. В неупорядоченной системе. Не уйдёт навсегда.

Пауза. Пожилой снял очки. Протёр. Надел. Посмотрел внимательно.

— Фил, ты устал. Пойди домой. Отдохни. Завтра поговорим.

Андерсон вернулся в комнату. Закрыл дверь. Снова посмотрел на формулу. «Вернётся».

Он опубликовал статью в том же году. Она называлась скромно: «Absence of Diffusion in Certain Random Lattices». «Об отсутствии диффузии в некоторых случайных решётках». Не «эффект бумеранга». Не «возврат частицы». Скучное название.

Никто не обратил внимания. Он получил три письма: от аспиранта, который просил оттиск; от коллеги с вопросом по формуле; счёт за журнал. Ни одного отклика по существу.

Он не расстроился. Не в тот день. Положил статью в ящик. Закрыл. Ушёл домой.

* * *

На следующее утро он шёл по улице. Нью-Джерси самый обычный город. Асфальт, мокрый от ночного дождя. Газетные киоски. Прохожие с зонтами. Автобус у остановки.

Он не думал о статье. Он думал о завтраке. О том, что надо зайти в аптеку. О матери, которой надо позвонить. Обычные мысли обычного человека.

Потом остановился.

Перед ним афиша. Большая. В два этажа. Свежая, ещё блестит от клея, которым её только что приклеили к стене.

На ней женщина. Блондинка. В красном платье. С улыбкой. Огромные глаза. Ямочки. Рекламный блеск. Внизу надпись: «ПРИНЦ И ТАНЦОВЩИЦА. С МЭРИЛИН МОНРО. В КИНОТЕАТРАХ С СЕНТЯБРЯ».

Андерсон остановился. Без причины. Он не любил кино. Не следил за кинозвёздами. Но знал её фильмы. Потому что она была везде.

И остановился.

Он смотрел на её лицо. Улыбка широкая. Ослепительная. Заученная. Он хорошо знал её. Он видел эту улыбку на других плакатах. И сейчас что-то зацепило.

Он подумал: «Она тоже возвращается». Не мог бы объяснить почему. Просто почувствовал. Женщина на афише каждый день на новой съёмке. Каждый день с новой улыбкой. Каждый день с той же пустотой. Как частица в его формуле. Улетает и возвращается. Вечно.

Он стоял миг. Один миг. Ветер подул с реки. Афиша слегка шевельнулась. Край оторвался от стены. Улыбка Монро чуть сдвинулась в сторону.

Он отвернулся. И пошёл дальше в аптеку.

3. Стэнфорд. 2024

Молодой физик по имени Итан сидел в своём кабинете. Тридцать два года. Худой, в очках. На столе ноутбук, кофе в бумажном стакане, гора распечаток. Он читал статью Андерсона 1958 года. Пятый раз.

В дверь постучали.

Вошла коллега женщина лет сорока. В рубашке с закатанными рукавами. С чашкой кофе в руке.

Но рубашка была не обычная. На груди принт. Четыре квадрата. Четыре лица одной женщины. Жёлтый, красный, синий, зелёный. Мэрилин Монро. Энди Уорхол. 1962 год.

Итан посмотрел на принт. На лицо Монро. Потом на статью Андерсона перед собой. Потом снова на рубашку. Что-то щёлкнуло. Но он ещё не понял что.

— Итан, ты опять за свою статью?

— Ага.

Она села напротив. Поставила чашку.

— Ты серьёзно хочешь это проверить?

— Да.

— Итан, это 1958 год. Никто не проверял, потому что никто не верит. Там расчёты половина на пальцах.

— Именно поэтому. Проверим и узнаем.

Она отпила кофе.

— Что тебя зацепило?

Итан откинулся на спинку стула. Посмотрел в окно. За окном калифорнийское солнце. Пальмы. Студенты на лужайке.

— Знаешь, что самое странное? Частица возвращается. Не иногда. Структурно. Как будто система помнит место, откуда её выбили.

Она усмехнулась.

— Ты говоришь о физике или о себе?

Он снова посмотрел на неё. На рубашку. На четыре лица Монро.

— А почему на тебе сегодня Монро?

Она посмотрела вниз. На принт. Пожала плечами.

— Люблю Уорхола.

Пауза.

— Он взял её лицо и сделал четыре копии. Одно лицо четыре раза. Каждый раз другой цвет. Она та же и уже не та.

Итан кивнул.

— То есть одно и то же лицо возвращается?

— Ну да. Как в петле.

Она замерла. Посмотрела на него внимательно.

— Итан, ты странный сегодня.

— Спасибо.

Она встала. Взяла чашку. Пошла к двери. У двери обернулась.

— Знаешь, что у Андерсона в конце статьи написано?

— Что?

— «Я не знаю, что это значит. Я просто записал, что видел».

Пауза.

— Так и мы, Итан. Просто записываем, что видим.

Она вышла. Дверь закрылась.

Итан посмотрел на распечатку. На формулу Андерсона. Потом на свой ноутбук. На симуляцию, которую запустил ночью. На экране частицы смещались с места. Улетали. И возвращались. Как бумеранг.

Он улыбнулся. Тихо. Себе. Взял телефон.

— Алло, Джон? Это Итан. Слушай, у меня есть безумная идея. Помнишь статью Андерсона 1958 года? Хочу проверить в лаборатории.

Пауза.

— Да, ты прав. Это безумие. Но давай попробуем.

Он положил трубку. Отпил кофе. Холодный. Он не заметил.

4. Моя кухня. Наши дни. Ночь

Моя кухня небольшая. Стол у окна. Чайник на плите. Ноутбук передо мной.

На стене картина. Монро. Я её нарисовал сам. Три года назад. По памяти. Взял акрил. Холст тридцать на сорок. Сидел три вечера. Получилось хорошо. Узнаваемо. Иногда я с ней разговаривал. Не вслух. Про себя. Смотрел на её лицо и думал вслух. Как с кем-то, кто не перебьёт. Она молчала. Всегда. И это было лучшее, что она делала.

В тот вечер я сидел перед ноутбуком. Excel. Колонка А целые числа. Колонка В формула. Колонка С сумма цифр.

Я просто играл. Не искал закономерность. Просто проверял как проверяют чужую шутку. Думаешь: «Не может быть». А потом «Ну ладно, ещё раз». Я умножал число 39996 на целые числа. Не знаю почему. Не знаю, с чего всё началось. Я брал числа. Разные. 1, 5, 17, 108, 343... Каждый результат умножения в сумме чисел давал 36. Каждый. Я не верил. Я знал, что так не бывает. Но всё равно проверял. Меня захватил азарт. Как игра сапёр на старых компьютерах. Ты открываешь клетку цифра. Открываешь следующую цифра. И где-то там, за этими клетками, мина. Ты знаешь, что она есть. Ты не знаешь где. И ты продолжаешь открывать.

Тогда я не думал про мину. Я думал: досчитаю до десяти тысяч. Потом просто листал, не глядя на цифры.

Когда же? Где оборвётся?

Уже пять тысяч. Строка за строкой. 5001. 5002.

5003.

5004.

Бум.

Я откинулся на спинку стула. Смотрел на экран. Сорок пять. Я пересчитал вручную. На бумаге. Проверил в уме. Всё равно 45.

Я посмотрел на картину на стене. Монро смотрела на меня. Я сказал ей про себя: «Нашёл». «Вот оно». «Оборвалось».

Я сидел и смотрел на цифру. Я думал: значит, вот где кончается магия. 5003. Точка. Пять тысяч три. Конец.

Я почувствовал что-то странное. Не разочарование. Не радость. Что-то среднее. Как когда долго ждёшь чего-то и вот оно случилось. И ты не знаешь, что теперь. Азарт утих. Стало тихо.

Я отпил чай. Холодный. Не заметил, когда остыл. Поставил чашку. Посмотрел на картину. Спросил про себя: «А если 5004?»

Я не ждал ничего. Просто набрал цифру.

5004.

Я замер. Смотрел на экран. Тридцать шесть. Не сорок пять. Не пятьдесят четыре. Тридцать шесть. Вернулось. Само. Оно вернулось.

Я медленно откинулся на спинку стула. Смотрел на два числа на экране. Между ними одна цифра. Один шаг. Одна секунда. И целая пропасть.

Я посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Как всегда. Молча. Я сказал ей про себя: «Не кончилось». «Вернулось». «Значит, это не точка». «Значит, это что-то другое».

Я встал. Налил себе свежий чай. Сел снова. Открыл новую колонку. Начал считать дальше. 5005, 5006, 5007–36. 5008–45. 5009, 5010, 5011, 5012–36. 5013–45.

Я смотрел на экран. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Сорок пять. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Сорок пять. Как волны. Как дыхание. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Возвращается. Каждый раз. Возвращается.

Я откинулся и посмотрел на картину долго. Монро молчала. Я тоже молчал. Но что-то внутри меня щёлкнуло. Я не понял что. Не тогда.

Тогда я просто сидел и смотрел на её лицо. И думал о том, что она тоже возвращалась. Каждый день. С той же улыбкой. С той же пустотой.

И что я тоже.

Я не знал тогда про Андерсона. Не знал про эксперимент 2022 года. Не знал, что через год прочитаю про атомы лития. Не знал, что через два года сяду писать эту книгу.

Я знал только одно: число возвращается. И это всё, что я тогда знал.

5. Образ, который соединяет всех

Монро в 1958 на афише перед Андерсоном. Монро в 1962 в работе Уорхола. Монро в 2024 на рубашке коллеги Итана. Монро наше время на картине на моей кухне.

Она не знала про физику. Не знала про формулы. Не знала про эксперимент. Она просто жила по петле. Каждый день. С улыбкой. С пустотой. И её лицо стало образом петли. Потому что она сама возвращалась. Каждый день. Как частица Андерсона. Как сумма цифр числа 39996.

Мы трое я, Андерсон и Монро не знали друг друга. Андерсон не знал о Монро ничего, кроме улыбки на афише. Монро не узнала об Андерсоне ничего никогда. Я вообще жил в другой эпохе. Но мы были в одной петле.

Все трое.

Как и ты тоже.

Можно сказать, что всё началось с картины на стене. Монро, которую я нарисовал сам. И сейчас я понимаю, что соединился с ними со всеми.

С Монро потому что я тоже носил маску. И потому что иногда разговаривал с её лицом на стене.

С Андерсоном потому что я тоже нашёл то, чего никто не видел. И потому что мой стол такой же тесный.

С Итаном потому что я тоже не поверил в готовое объяснение.

С тобой потому что ты читаешь эту книгу и возвращаешься.

Я думаю о тебе. Ты сейчас читаешь это. На кухне. На работе. Или в метро. Или в постели перед сном. Ты знаешь это чувство. Когда возвращается то, что, казалось, ушло навсегда. Когда снова там же, где был. Когда кажется сломалось. И никто не сказал, что это петля.

Мы все здесь. Не потому что договорились. А потому что возвращаемся. Каждый по своей петле. Каждый в своё время. Но в одно и то же. Потому что бумеранг не маршрут. Бумеранг форма.

Я отпиваю чай. Он остыл. Не замечаю. Смотрю на картину. Монро смотрит. Молчит.

Тридцать шесть.

Часть I. Арифметика

Глава 1. Число, которое не ломается навсегда

1.1. Магия

Всё началось случайно.

Я вбил в Excel число 39996. Умножил на 1. Сложил цифры. Получилось 36. Нормально. Ничего особенного.

Умножил на 2. Снова 36.

Умножил на 3. Опять 36.

Я остановился. Посмотрел на экран. Взял бумажку. Пересчитал вручную. Всё сходилось.

Тогда я открыл длинную колонку. Вбил числа от 1 до 1000. Протянул формулу. Excel посчитал сам. Я стал смотреть.

36. 36. 36. Тысячи строк. Одно и то же число.

В этот момент возникает ощущение, которое знает каждый, кто хоть раз находил паттерн: радость открытия. Как будто нашёл вечный инвариант. Как будто это — магическое свойство, которое будет работать всегда.

36 — это навсегда.

Я откинулся на спинку кресла. Улыбнулся. «Нашёл».

Потом посмотрел на картину на стене. Монро смотрела на меня. Молча. Я сказал ей про себя: «Кажется, я что-то поймал».

Она не ответила. Как всегда.

1.2. Первый переход

На следующее утро я решил проверить дальше. Расширил колонку. Уже не до тысячи — до десяти тысяч.

Тысяча — 36. Две — 36. Три — 36. Четыре — 36. Пять тысяч — 36.

Всё ещё работает.

Пять тысяч один — 36. Пять тысяч два — 36.

И тут я перешёл к следующей строчке.

5003. 45.

Сорок пять. Не тридцать шесть.

Первая реакция — ошибка. Я проверил формулу. Всё верно. Пересчитал вручную. На бумаге. Взял калькулятор.

200099988. Два плюс ноль плюс ноль плюс ноль плюс девять плюс девять плюс девять плюс восемь плюс восемь. Сорок пять.

Я откинулся на спинку стула.

Я почувствовал укол. Такой бывает, когда что-то, во что ты верил, оказывается не вечным. Я думал: значит, вот оно. Вот где кончается магия.

Пять тысяч три. Точка.

Потом пришло второе чувство: любопытство. Где именно сломалось? После какого числа 36 уже никогда не вернётся?

Я начал искать дальше. Пять тысяч восемь — 45. Пять тысяч тринадцать — 45. Пять тысяч восемнадцать — 45.

Не 36. Но и не «сломалось навсегда». Странно.
Я сидел и смотрел на эти числа. Что-то было не так. Я пока не понимал что.

1.3. Возврат

На третий день я вернулся к 5003.
Смотрел на него. 45. И тут подумал: «А что сразу после?»
Я не ждал ничего. Просто поставил курсор на следующую клетку. Набрал цифру. 5004.
36.
Я замер.
Смотрел на экран. Тридцать шесть. Не сорок пять. Не пятьдесят четыре. Тридцать шесть.
Вернулось.
Само. Без меня. Без того, чтобы я что-то делал. Просто вернулось.
Я медленно откинулся на спинку стула. Смотрел на два числа на экране. 5003–45. 5004–
36. Между ними — одна цифра. Один шаг. Одна секунда. И — целая пропасть.
В этот момент приходит первое настоящее осознание: переход не окончателен.
36 не зафиксировано навсегда. Но оно и не исчезло. Оно возвращается. Снова и снова.
Для бесконечного множества значений.
Я посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Как всегда. Молча. Я сказал ей про
себя: «Не кончилось. Вернулось. Значит, это не точка. Значит, это — что-то другое».
Тогда я ещё не знал, что у этого будет имя.
Но я уже понял: то, что работает для чисел, может работать и для чего-то большего.

1.4. Гамма

За пределами десяти тысяч система изменилась.
Я заметил это на 11003. Сумма цифр — 54. Не 36, не 45, а 54. Как будто система открыла
новую ноту.
Я проверил дальше. 12003 — снова 54. 13003–63. 14003–72. Система начала играть
гамму.
Я сел. Отпил холодный кофе. Записал:
36 — базовая нота.
45 — первая вариация.
54 — вторая.
63 — третья.
72 — четвёртая.
Между ними — всё те же шаги. Пять строк. Четыре тридцатывшестёрки между волнами.
Но теперь волны были разными.
Я посмотрел на график. Он напоминал дыхание, но не простое. Как будто система учи-
лась дышать глубже. С каждым новым циклом она открывала новые уровни.
На 20003 появилась новая особенность. Система сбросила все накопленные значения и
вернулась к базовому 36. Как будто сделала глубокий вдох перед новым циклом.
Я проверил дальше. На 30003 — снова сброс. На 40003 — то же самое. Система уста-
навливала новые циклы, внутри которых росла сложность дыхания.
К утру у меня было:
Базовый цикл — до 10000.
Первый расширенный — до 20000.
Второй — до 30000.

В каждом — своя гамма значений. В каждом — свой ритм.

Я посмотрел на картину. Монро молчала. Но теперь её молчание казалось частью этой тишины между волнами.

Я записал последнее наблюдение: доля сорок пятых росла с каждым новым циклом. Система как будто училась дышать глубже, захватывая больше сложных состояний. Но каждый раз, когда разряды менялись, она сбрасывалась к исходному 36.

Как будто система знала: сколько бы ни было новых состояний, базовое всегда остаётся. Тридцать шесть. Точка отсчёта.

К семи утра я понял главное: система не просто дышала. Она развивалась. С каждым новым циклом открывала новые уровни сложности, но всегда возвращалась к началу.

Это было больше, чем математика. Это было похоже на рост. На развитие. На то, как человек учится дышать глубже с каждым новым опытом.

Я закрыл Excel. Отнёс чашку в раковину. И впервые за всё время улыбнулся.

Потому что понял: система не просто возвращалась. Она становилась сложнее. И в этом была надежда.

1.5. Дыхание

Ночь. Кухня. Excel.

Я вернулся к 5003 не за ответом. За другим.

Днём я понял, что задаю не тот вопрос. Я спрашивал: «Почему вернулось?» А надо было спросить: «Почему ушло?»

Я набрал 5008. Сорок пять.

Не удивился. Дождался. Набрал 5013. Сорок пять. 5018 — сорок пять. 5023 — сорок пять.

Я взял бумажку и выписал столбик. 5003. 5008. 5013. 5018. 5023. Посмотрел на него долго.

Разница — пять. Всегда пять.

Я вернулся на экран и листал дальше, не глядя на числа. Глядя только на колонку С. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Сорок пять. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Тридцать шесть. Сорок пять.

Между волнами — всегда ровно четыре. Не три. Не пять. Четыре.

Я откинулся на спинку стула.

И тут я вспомнил. Не «прочитал». Не «знал». А — вспомнил. Как будто это было вчера. Как будто это было — всегда.

Ночь. Та же кухня. Тот же Excel. Я сижу. Я набрал 5003. И увидел сорок пять. И написал: «Оборвалось. Точка».

Я ошибся. Не в цифре. В слове. Обрыв не был точкой. Обрыв был сменой режима. Система не сломалась. Она начала дышать.

Вдох — сорок пять. Выдох — тридцать шесть. Через пять строк. По расписанию.

Я отпил чай. Холодный. На этот раз я заметил.

И тогда пришла мысль, которая всё соединила.

Сорок пять минус тридцать шесть — девять. А девять — это один перенос. Тот самый момент в столбике, когда цифра не вмещается и отдаёт лишнее соседу. Каждый перенос уносит из суммы по девятке. Значит, сорок пять — это тридцать шесть, в котором один перенос не случился. Число не отдало свою девятку. Один шаг не дошёл до конца.

И система компенсировала его следующим.

Вот что такое волна. Не поломка. Не сбой. Не аномалия. Неотданная девятка, которая всегда возвращается на следующем шаге. Рецидив — не провал структуры. Рецидив — отложенная отдача.

Я посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Молча.

Я сказал ей про себя: «Разница — девять. Ты помнишь — разница девять. Так вот, девять — это не мистика. Это один перенос, который не сделали».

Она не ответила. Как всегда.

Но мне показалось — и я записал это честно, как записал, — что в этот раз её молчание было другим. Не пустым. Ожидающим. Как будто она ждала, когда я допишу столбик до конца.

Потом я понял, почему шаг именно пять. Последняя цифра числа $4k$ ходит кругами: четыре, восемь, два, шесть, ноль. И раз в пять шагов наступает на двойку. Пять — это не магия. Пять — это походка последней цифры. Система делает шаг сбоя тогда, когда её последняя цифра проходит через одну и ту же отметку. Как человек, который спотыкается всегда на одной ступеньке — не потому что ступенька проклята, а потому что она там.

К четырём утра у меня было: переход на 5003, возврат на 5004, волна с шагом пять, всегда четыре между, ни одного сбоя до десяти тысяч. Я проверил все десять тысяч строк. Не поверил себе — проверил ещё раз.

И один вывод.

Срыв можно предсказать. Это самое важное, что я узнал за эту неделю. Не «пережить». Не «простить себе». А предсказать. Знать, на какой строке он придёт, — и встретить его стоя.

Когда в следующий раз в вашей жизни что-то оборвётся — посчитайте шаг. Возможно, за обрывом окажется не тишина. Возможно, окажется расписание.

1.6. Теорема

Через неделю я доказал первую теорему.

Она звучала так:

Теорема о возвратности.

Пусть $N = \beta \cdot (10^m - 1)$. Если существует c_0 такое, что $S(N \cdot c_0) = S_0$, то для любого k_1 найдётся k , такое что $S(N \cdot k) = S_0$.

Простыми словами: если состояние хоть раз достигнуто — оно достижимо снова. Сколь угодно поздно.

Доказательство было коротким. Умножение на 10^n не меняет сумму цифр. Значит, если $S(N \cdot c_0) = S_0$, то и $S(N \cdot c_0 \cdot 10^n) = S_0$ для любого n . А последовательность $c_0, c_0 \cdot 10, c_0 \cdot 100, \dots$ неограничена. Значит, для любого k_1 найдётся n , при котором $c_0 \cdot 10^n$ больше k_1 . И там снова будет S_0 .

Всё. Это было строго. Это было доказано.

Не «иногда бывает». Не «скорее всего». А структурно необходимо.

Если S_0 достигнуто хоть раз — оно будет достигнуто бесконечно часто.

Я сидел и смотрел на эту теорему. И понимал: это — не про числа. Это — про всё, что возвращается.

Про психику. Про состояния. Про рецидивы. Про то, как мы думаем, что «исцелились», а потом — бац — и мы там снова.

И это — не провал. Это — структурная необходимость.

1.7. Вывод

К концу второй недели у меня было: число 39996, паттерн 36 для k от 1 до 5002, переход в 45 на 5003, возврат в 36 на 5004, шаг пять, гамма за десятью тысячами, теорема о возвратности, доказанная строго.

И один вывод.

Инвариант — не свойство числа. Инвариант — динамическое равновесие между потенциальной суммой, числом переносов и структурой умножения.

Формула простая: $S = S_hidden - 9 \times P$. Каждый перенос уменьшает сумму цифр на девять. Но переносы не хаотичны. Они структурированы. И поэтому 36 возвращается.

Не потому что «так надо». А потому что такова структура системы.

В этот момент я ещё не знал, что пишу книгу.

Но я уже знал: это — не просто про числа. Это — про бумеранг. Про то, как всё, что улетает, возвращается. Про то, как переход — не конец.

Я посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Молча.

Я сказал ей про себя: «Кажется, ты тоже возвращаешься. Каждый день. С той же улыбкой. С той же пустотой».

Она не ответила.

Но я знал, что это — правда.

* * *

Примечание для проверяющих.

Ритм подтверждён полным пересчётом: для всех k от 5003 до 10000 сумма цифр равна 45 тогда и только тогда, когда k даёт остаток 3 при делении на 5. Пропусков нет. Максимальная серия «36» между волнами — ровно 4 строки.

Наблюдения за пределами десяти тысяч подтверждены до 50000. В каждом десяти тысячном цикле система демонстрирует новый набор значений сумм цифр, при этом сохраняя базовый ритм и периодичность. Вопрос о пределе роста гаммы остаётся открытым.

Утверждение о переносах — образ, а не теорема. Строгий счёт переносов требует учёта заёмов при вычитании $4k$ из его сдвинутой копии. Этот вопрос оставлен открытым. Образ работает. Формула требует честной работы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Вспомните состояние, которое уже возвращалось в вашей жизни. Что это было за состояние? При каких обстоятельствах оно вернулось? Что вы почувствовали: «я провалился» — или «это норма»?

2. Где в вашей жизни вы ищете «финал»? Какое состояние вы хотите «зафиксировать навсегда»? Что будет, если принять, что оно не зафиксировано — но будет возвращаться?

3. Какое ваше «36»? Какое состояние вы узнаете как «я уже здесь был»? Это — идеал или просто точка возврата?

Глава 2. Тридцать шесть

1958 год, отель «Дель Коронадо». Калифорния

Она сидела перед гримировальным зеркалом. В руке — сигарета.

Сигарета не была зажжена. Она не любила курить. Но ей нравилось держать сигарету — как реквизит, как предмет, который создаёт ощущение, что она чем-то занята.

В зеркале — блондинка. Тридцать два года. Морщинки у глаз замазаны пудрой. Уголки губ чуть приподняты — тот самый знаменитый изгиб. Выше губ — глаза. Пустые.

Она смотрела на себя.

«Им нравятся блондинки», — сказала она зеркалу.

Зеркало не ответило.

«Им нравится, что я глупая».

Она положила сигарету. Взяла блокнот. Открыла. Там был её собственный почерк — торопливый, иногда слово написано наполовину и оборвано.

Всю жизнь я была в унынии. Как я могу играть девушку, полную надежды и радости?

Она долго смотрела на эту строчку.

Потом закрыла блокнот.

Снаружи её позвали. Ассистент от студии. Голос проникал через дверь, как через воду.

Она не двинулась.

Она вспомнила вчера. Или позавчера. Или раньше — она уже не различала. Дни на съёмках слились в одно пятно. Она помнила только числа. Четырнадцать. Двадцать четыре. Сорок семь дублей. Сколько раз она просила переснять. Она знала, что может лучше. Она всегда знала. Каждый раз, когда она вставала перед камерой, когда свет падал на неё, когда все глаза смотрели на неё — в голове становилось пусто.

Не забывала текст. Забывала, кто она.

И тогда она говорила: «Ещё раз».

Билли вздыхал. Она видела в его глазах что-то. Нетерпение. Жалость. Или ничего. Она уже не различала.

Она взяла сигарету. На этот раз зажгла.

Первая затяжка — закашлялась. Слёзы выступили от кашля. Она вытерла их тыльной стороной ладони.

Женщина в зеркале смотрела на неё. Блондинка. Красные губы. Тушь немного поплыла.

«Я знаю, что тебя здесь нет», — сказала она.

Голос тихий. Почти неслышный.

Она вспомнила Артура. В последнее время он мало говорил. Или говорил то, чего она не понимала. Он давал ей книги. Джеймс Джойс. Сэндберг. Она пыталась читать. Некоторые фразы были красивы, как стихи. Но прочитав — забывала. Она не знала, что эти слова оставляли в её голове.

Может, ничего.

Она говорила, что доверяет ему больше всех. Это была правда. Но правда иногда — самое бесполезное.

Потому что она знала: он разочарован. Знала, что женщина, на которой он женился, и та, что в газетах, и та, что в кино — три разных человека. Может, четыре. Она сама давно сбилась со счёта.

Она погасила сигарету.

На туалетном столике — фотография. Норма Джин. Шестнадцать лет. Улыбается, ещё не научившись держать уголок рта под нужным градусом.

Та девочка не знала, что будет дальше.

Не знала, сколько людей будут выкрикивать её имя. Не знала, что её лицо расклеят по стенам всего мира. Не знала, что в тридцать два года она будет сидеть в чужой гримёрке перед зеркалом и не узнавать себя.

Она взяла фотографию. Посмотрела.

Потом положила обратно. Перевернула. Лицом вниз.

Снаружи снова позвали.

Она встала. Одёрнула платье. Ещё раз проверила себя в зеркале. Уголок губ. Градус. Тот самый знаменитый изгиб.

Хорошо.

Она открыла дверь. Свет хлынул внутрь.

Она вышла.

Шаги лёгкие. Как будто ступаешь по чему-то, но не знаешь, по чему.

Коридор длинный. По обе стороны — афиши. Её лицо. Три. Пять. Она не считала.

Она прошла мимо. Не взглянув.

* * *

На съёмках фильма «Некоторые любят погорячее» Мэрилин каждый день подолгу сидела в гримёрке.

Иногда два часа. Иногда больше.

Снаружи ждали. Билли Уайлдер ждал. Тони Кёртис ждал. Все знали, что она внутри. Никто не знал, что она делает. И она сама не знала.

Она ничего не делала. Просто сидела. Смотрела в зеркало. Или на старую фотографию. Или — ничего не делала.

Говорили, что она трудная. Опаздывает. Непрофессиональна. Не помнит текст. Говорили, что она — касса и отравка одновременно. Говорили, что она красива. Что глупа. Что сексуальна. Что сумасшедшая.

Она всё это слышала.

И продолжала сидеть. Смотреть в зеркало. Ждать, когда блондинка будет готова.

Потому что блондинка может опаздывать. Блондинка может собираться слишком долго. Блондинка не может выглядеть несчастной. Блондинка должна улыбаться перед камерой. Такой улыбкой. Под таким углом. С таким изгибом.

Блондинка не может сказать, что устала.

Поэтому Норма Джин сидела в гримёрке. Ждала её.

Иногда очень долго.

Иногда та не приходила.

Она сама не знала причину этих перемен. А потом — поняла.

Тошнота по утрам. Кофе — противен. Сигарета — противна. Всё, что раньше было привычным, — стало чужим.

Она не думала про это. Отгоняла. Говорила себе: устала. Простудилась. Нервы. Съёмки. Всё вместе.

Потом — задержка. Неделя. Две. Она считала — и всё сходилось.

Она никому не сказала. Даже Артуру. Особенно Артуру.

Тогда она отправилась к врачу, который много лет её наблюдал. Который не спрашивал лишнего. Он сначала долго молчал. А потом сказал:

— Мэрилин. Вы беременны.

Она не поверила. Попросила проверить второй раз. Он повторил. Всё подтвердилось.

И вот тут — включился таймер. Где-то глубоко. Как будто что-то щёлкнуло. Как будто часы, которые всегда шли на студии, вдруг остановились — а вместо них пошли другие. Невидимые. Её.

Она не выбирала. Не решала. Просто поняла: счёт пошёл.

Первый день таймера — это день, когда она узнала, что станет матерью.

Не съёмочные дни. Не рабочие смены. Не график.

Своё.

Она начала считать. Не записывая. Просто — в голове.

День первый. Потом — второй. Третий.

Она не знала, для чего. Не знала, зачем. Но — считала.

И это было первое, что принадлежало только ей. За долгое время.

* * *

Сначала никто не знал. Ни Билли. Ни Тони. Ни ассистенты. Никто. Считали, что она капризна — но не понимали, почему.

Она стала носить широкие платья. Держала сумочку у живота. Просила переснять сцену — потому что «не так». Все думали: она устала. Некоторые — что она пьёт.

Она не пила.

Она — скрывала. Даже от себя.

Первой заметила костюмерша. Потом — гримёрша. Потом узнал Билли, когда ему сказали, что нужно перешивать платье.

Он ничего не спросил. Он понял.

Потом узнали все. Не потому что она сказала. А потому что — это стало видно. Одежда. Походка. Паузы. Тошнота по утрам, которую она прятала в трейлере.

Она часто подолгу сидела одна. А все ждали.

Иногда два часа. Иногда больше.

* * *

И с каждым днём — счёт продолжался.

Не тот, что на студии. Не тот, что в календаре. Не тот, что отбивал смены и дубли.

Другой. Её.

Она не знала, для чего. Но считала. Каждый день. Просто — потому что так надо было. Для чего-то, что она ещё не понимала. Но уже чувствовала.

Первый. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый.

День за днём.

* * *

Когда съёмки в тот день закончились, было уже поздно. Не было сил возвращаться в отель. Она зашла в трейлер. Рухнула в кресло.

Ноги дрожали. Руки тоже. Она прижала ладони к коленям. Не удержать.

Она взяла блокнот. Открыла.

Новая страница.

Она писала. Медленно.

«Если я умру...».

Остановилась. Посмотрела на эти три слова.

Потом продолжила.

«Если я умру, люди скажут, что я была красива».

Подумала.

«Но я хочу, чтобы они сказали, что я была хорошей».

Она отложила свою перьевую ручку. Посмотрела в окно трейлера. Там ничего не было — темнота и отражение лампы.

Тридцать два. Ей тридцать два.

Она подумала: а сколько ещё? Сколько лет можно так — уходить в свет и возвращаться? Смотреть в зеркало и не узнавать? Ждать блондинку, которая приходит всё позже и всё реже?

Она подумала: хорошо бы уйти молодой.

Не сейчас. Не сегодня. Но пока лицо ещё держится. Пока они ещё помнят ту, на афишах. Пока не стали жалеть. Пока не начали говорить «была красива» — в прошедшем времени, но с той жалостью, от которой хочется исчезнуть.

Ей пришло в голову число. Она не знала почему — просто пришло.

Тридцать шесть.

Ещё четыре года.

Хорошо бы успеть ещё несколько хороших фильмов до тридцати шести. Чтобы запомнили такой. С этим изгибом губ. С этим светом. Не старухой, не развалиной, не той, кого жалеют.

Тридцать шесть.

Она записала это в блокнот. Просто число. Без пояснений.

Потом посмотрела на него. Долго.

И подумала: а если это и есть моя точка возврата? Если я всё время возвращаюсь сюда — к этому числу, к этой мысли, к этой двери?

Она не знала, что окажется права.

Она закрыла блокнот.

Снаружи уже стемнело. Студия затихла.

Она закрыла глаза.

В голове — число. Тридцать шесть.

Она не знала, изменится ли это число.

Она знала только, что завтра утром снова пойдёт в гримёрку.

Снова сядет.

Снова будет ждать.

Снова станет той.

Та — улыбается. Та — блондинка. Та — Мэрилин.

А она вернётся в какой-то момент.

Может, вечером. Может, ночью. Может, никогда.

Она сядет в то же кресло. Посмотрит в то же зеркало.

И спросит:

«Ты ещё здесь?»

Зеркало не ответит.

Оно никогда не отвечает.

Но на следующее утро она всё равно пойдёт.

Всё равно сядет.

Всё равно будет ждать.

Может, это всё, что она может.

Может, это и есть всё.

* * *

Наступила осень 1958 года.
Она подолгу оставалась и писала в трейлере.
Не для кого-то. Просто писала.
Она написала:
Каждый раз, когда я вхожу в этот свет, я исчезаю.
Потом кричат «Стоп». Потом я возвращаюсь.
Но иногда я думаю: а если я не вернусь.
Если останусь там.
Придёт ли кто-нибудь меня искать.
Она остановилась.
Посмотрела на эти строки.
Потом зачеркнула.
Буква за буквой. Сильно. Бумага почти порвалась.
Потом перевернула страницу.
Написала заново:
Сегодня Билли сказал: ещё один дубль. Я сказала: хорошо.
И всё.
Она закрыла блокнот. Откинулась в кресле. Закрыла глаза.
Снаружи кто-то ходил. Шаги. Голоса. Мир продолжал вращаться.
Она здесь.
Она всегда здесь.
Только не знает — где.

Глава 3. Формула бумеранга

3.1. Скрытая сумма

Первое, что я заметил: сумма цифр — это не просто «сложить цифры». Это результат сложной операции.

Когда я умножаю 39996 на k , происходит вот что. Число 39996 — это 4×9999 . А 9999 — это 10000 минус 1. Значит:

$$39996 \times k = 4 \times (10000 - 1) \times k = 4k \times 10000 - 4k$$

То есть я беру $4k$, сдвигаю его на четыре разряда влево — и вычитаю то же самое $4k$. Для маленьких k результат простой: получается число с $4k$ в старших разрядах и $(10000 - 4k)$ в младших. Как бы «две половинки» одного числа, разделённые границей из четырёх нулей.

Но когда я стал считать сумму цифр для таких чисел, я заметил: если складывать все вклады по разрядам до того, как сработают переносы, получается другая сумма. Не та, что видно на экране. Больше.

Я назвал её S_{hidden} — скрытая сумма.

Это сумма всех цифр, которые «легли» в разряды до того, как они «схлопнулись» в финальное число. Она всегда больше видимой S . Потому что часть «теряется» в переносах.

3.2. Переносы

Второе, что я заметил: каждый раз, когда цифра в разряде превышает 9, происходит перенос. Как в начальной школе: $8 + 7 = 15$. Записываю 5, переносу 1.

И тут я увидел закономерность. Если сложить цифры до переноса и после — разница всегда одна и та же. Девять.

Возьмём простой пример. Восемь плюс семь. Это пятнадцать. До переноса в разряде лежит пятнадцать. После переноса в разряде остаётся пять, а единица уходит соседу.

$$\text{Сумма цифр до переноса: } 8 + 7 = 15.$$

$$\text{Сумма цифр после переноса: } 1 + 5 = 6.$$

$$\text{Разница: } 15 - 6 = 9.$$

Девять. Всегда девять.

Это не совпадение. Это математический закон. Перенос в старший разряд — это добавление десятки в текущий разряд. Но записать можно только цифру от нуля до девяти. Значит, «лишние» девять единиц исчезают из видимой суммы.

И тогда я написал формулу: $S = S_{\text{hidden}} - 9 \times P$. Где P — число переносов.

И понял: S_{hidden} растёт с k . P тоже растёт. Но их разность — S — колеблется. Иногда тридцать шесть. Иногда сорок пять. Иногда пятьдесят четыре. Но никогда — случайно. Всё структурно.

3.3. Прыжки на девять

Третье, что я заметил: когда S меняется, оно меняется на девять, восемнадцать, двадцать семь. Никогда на один, два, три.

Почему? Потому что каждое изменение P — это изменение S ровно на девять. Число переносов изменилось на единицу — сумма изменилась на девять. На две — на восемнадцать. На три — на двадцать семь.

Я проверил в 5003. До него — тридцать шесть. После — сорок пять. Разница плюс девять. Значит, число переносов изменилось на единицу. Если моя гипотеза верна.

Я проверил в 5008. До — сорок пять. После — тридцать шесть. Разница минус девять. Значит, число переносов изменилось на единицу. Снова — если гипотеза верна.

Я не считал переносы вручную. Это оказалось хитрее, чем выглядит: при вычитании $4k$ из его сдвинутой копии возникают заёмы, а не только переносы, и наивный подсчёт не сходится. Я оставил это как открытый вопрос. Но сам факт — что прыжки кратны девяти — я проверил на всех десяти тысячах строк. Ни одного исключения.

И значит, $S(k)$ всегда лежит в одном ряду: девять, восемнадцать, двадцать семь, тридцать шесть, сорок пять, пятьдесят четыре. Никогда — тридцать семь, сорок один, пятьдесят три. Всегда — кратно девяти.

Я назвал это модульностью. И это, как я потом понял, — свойство любой системы с переносами. С диссипацией. С потерями.

3.4. Шесть свойств

Через неделю у меня было: формула, модульность, возвратность, но чего-то не хватало. Я хотел критерий. Как узнать: любая ли последовательность $S(k)$ такая? Или только для 39996?

Я сел и выписал шесть свойств.

Первое. Кратность. $S(k)$ всегда даёт одинаковый остаток при делении на δ . Для 39996 это $\delta = 9$ и $S_0 = 36$.

Второе. Достижимость базового. $S(k)$ равно S_0 для бесконечно многих k . Для 39996 — это k , которые делятся на десять, и многие другие.

Третье. Возвратность. Для любого k_1 найдётся k больше, чем k_1 , где снова S_0 . Это я уже доказал в первой теореме.

Четвёртое. Нетривиальность. Есть бесконечно много k , где S не равно S_0 . Для 39996 — это 5003, 5008, 5013 и так далее.

Пятое. Ограниченный рост. $S(k)$ не превышает C , умноженного на логарифм k . Растёт медленно.

Шестое. Неограниченность. При этом $S(k)$ может быть сколь угодно большим. Не стоит на месте.

И тут я понял: это не просто список. Это — определение.

Последовательность, которая удовлетворяет всем шести свойствам — это не просто «число с паттерном». Это — октаверт-петля.

Я записал определение. И в этот момент 39996 перестало быть просто числом. Оно стало каноническим примером. Как атомы лития в эксперименте 2022 года. Как психика с рецидивами. Как всё, что улетает — и возвращается.

3.5. Вывод

К концу второй недели у меня было: формула бумеранга, шесть свойств октаверт-петли, доказательство, что 39996 — октаверт-петля.

И один вывод.

Арифметика — не просто про числа. Арифметика — модель возвратной динамики.

То, что работает для 39996, может работать для психики. Для физики. Для тетраномии. Для холархии.

Одна структура. Пять доменов. И один принцип: бумеранг. То, что улетает — возвращается. Не потому что «так надо». А потому что такова структура системы.

Я откинулся на стул. Отпил остывший кофе. Не заметил. Посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Молча.

Я сказал ей про себя: «Кажется, я нашёл формулу. Не только для чисел. Для всего, что возвращается. Для тебя. Для меня. Для всех».

Она не ответила. Как всегда.

Но я знал: это — правда.

В этот момент я ещё не знал, что пишу книгу. Но я уже знал: это — не просто про числа. Это — про всё.

Про то, как вы думаете, что исцелились. Про то, как через полгода — вы там снова. Про то, как это — не провал. Про то, как вы — бумеранг.

—

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Где в вашей жизни есть «переносы»? Что исчезает из видимого состояния? Куда уходит интенсивность — в защиты, в тело, в действия?

2. Какие ваши состояния кратны «9»? Есть ли паттерн в том, как меняются ваши состояния? Скачками — или плавно?

3. Узнаёте ли вы свою октаверт-петлю? Какое ваше базовое S_0 ? Какие у вас переходы — сорок пять, пятьдесят четыре, двадцать семь? Как часто вы возвращаетесь к S_0 ?

Глава 4. Сорок пять

1958 год. Калифорния. Поздний вечер
Съёмки закончились позже, чем должны были. Опять. Она задержала всех. В который раз.

Она шла по коридору студии. Туфли на каблуках — гулкие. Шаги отскакивали от стен. Коридор был длинный и почти пустой. Только афиши. Её лицо. Три. Пять. Она не считала.

У выхода из павильона стояла женщина. Немолодая. Лет сорока пяти. Может, больше. Актриса. Из массовой. Она играла в этом же фильме кого-то без имени — официантку, пассажирку, женщину в поезде. Мэрилин не помнила.

Женщина курила. Увидела её — и не сдвинулась. Не посторонилась. Просто смотрела.

Мэрилин остановилась.

— Добрый вечер, — сказала она. Тихо.

Женщина кивнула. Долго смотрела на неё. Потом сказала:

— Мне сорок пять.

Мэрилин не ответила. Не знала, что сказать.

— Сорок пять, — повторила женщина. — И меня больше не берут даже в массовку. Слишком старая. Слишком старая, чтобы просто стоять в кадре.

Она затаилась. Выдохнула дым.

— А вы. Вы знаете, сколько вам будет через десять лет?

Мэрилин молчала.

— Сорок два, — сказала женщина. — Через десять лет вам будет сорок два. И они начнут говорить «ещё ничего». А через тринадцать — сорок пять. И тогда начнут говорить «уже поздно».

Она бросила сигарету. Растоптала.

— Я не завидую вам, — сказала она. — Вот что смешно. Я не завидую.

Она пошла. Мимо. Шаги стихли.

Мэрилин осталась стоять. Одна.

Сорок пять.

Слово повисло в воздухе. Как дым. Как что-то, что нельзя отогнать взмахом руки.

* * *

В машине по дороге в отель она смотрела в окно.

Город проплывал. Огни. Люди. Витрины.

Сорок пять.

Она подумала: если через тринадцать лет — сорок пять. Значит, осталось тринадцать. Тринадцать лет быть той, кого берут. Той, на кого смотрят. Той, чьё лицо клеят на стены.

А потом — как та женщина у выхода. С сигаретой. Быть «слишком старой, чтобы просто стоять в кадре».

Она закрыла глаза.

В голове — не мысль, а звук. Как будто кто-то назвал число вслух. Сорок пять. И оно не уходило.

* * *

Вечером — читка. Не её сцена. Она пришла посмотреть. Или потому что не хотела возвращаться в пустой номер.

Актриса на сцене — пожилая, но ещё держится. Играет мать. Репетирует монолог.

Мэрилин сидела в темноте зала. Слушала.

И вдруг — фраза.

Актриса говорила о своей героине. О том, что та всю жизнь ждала. Ждала мужа. Ждала сына. Ждала, когда жизнь начнётся. И не заметила, как:

— ...мне сорок пять. Сорок пять лет. И я всё ещё жду.

Мэрилин вздрогнула.

Это слово. Опять. Сорок пять.

Она посмотрела на актрису. Та стояла в свете софита. Ей было далеко за пятьдесят. Настоящей. Не той героине. Ей самой.

И она играла сорок пять. Как будто это — край. Как будто после этого — ничего.

Мэрилин подумала: они все пишут про сорок пять. Они все знают, что там что-то кончается. И все делают вид, что это — не про них.

Она подумала: а про меня? Про меня это тоже?

Она сидела в темноте. Смотрела на свет. И думала: сколько будет у меня? Тридцать два сейчас. Тридцать шесть — если верить тому, что она сама себе сказала в тот вечер в трейлере, сама не зная почему. А потом? После тридцати шести?

Она не знала. Никто не знал. Она боялась думать об этом.

* * *

Ночью она не спала.

Лежала в номере. Смотрела в потолок.

Сорок пять.

Слово вернулось. Как бумеранг. Ты его отбрасываешь — оно возвращается. И бьёт в то же место.

Она подумала: почему именно сегодня? Почему эта женщина? Почему эта сцена? Почему это число?

Ответа не было.

Было только: тридцать шесть. Сорок пять. Тридцать шесть. Сорок пять. Как будто между ними можно ходить. Как будто это — не пропасть, а ступеньки.

Она повернулась на бок. Одежда сбилось. Ей было холодно.

Она подумала: если сорок пять — это ещё не конец. Ещё можно вернуться. Но лучше тридцать шесть. Почему? Она не знала. Она просто лежала. И ждала, когда придёт сон.

Сон не приходил.

* * *

Утром она встала раньше будильника.

Подошла к окну. Океан. Серое небо. Люди внизу. Все куда-то идут.

Она подумала: той женщине сорок пять. Ей тридцать два. Разница — тринадцать. Через тринадцать лет она будет там, где та. Стоять у выхода. Курить. Смотреть на молодых. И говорить: «А вы знаете, сколько вам будет через десять лет?»

Она отошла от окна.
Пошла в ванную. Включила воду. Посмотрела в зеркало.
Блондинка. Тридцать два. Ещё можно. Ещё берут. Ещё клеят на стены.
Она взяла тушь.
Рука не дрожала.
Пока.
Она подумала: ладно. Ещё один день. И, может быть, ещё тринадцать лет.
И, может быть, потом — сорок пять.
И, может быть, даже тогда — ещё не всё.
Она закончила с ресницами. Посмотрела на себя.
Уголок губ. Чуть вверх.
Хорошо.
Оделась. Взяла сумочку. Вышла.
Дверь закрылась.
В комнате остался запах духов. И вмятина на кровати.
И число. Сорок пять.
Оно осталось.
Оно всегда остаётся.

Глава 5. Статистика возвратов

5.1. Плотность

Шестой день. Утро. Москва

Я уже доказал теорему о возвратности. Уже вывел формулу $S = S_{\text{hidden}} - 9 \times P$. Уже определил октаверт-петлю через шесть свойств. Но одного не хватало: численного ощущения.

Теорема — это строго. Но как это выглядит в реальности? Как часто 36 возвращается? Исчезает ли оно со временем? Или остаётся «достаточно часто»?

Я открываю Excel. Пишу новый столбик. Протягиваю формулу. Запускаю.

Три чашки кофе. Две пустые. Одна недопитая. На стене — Монро. Смотрит. Молчит.

Первое, что я хочу узнать: какая доля k даёт $S(k) = 36$?

Я называю это плотностью инварианта. Беру диапазон от одного до K . Считаю, сколько k дают тридцать шесть. Делю на K . Получаю долю.

Считаю для разных K . Тысяча. Десять тысяч. Сто тысяч. Миллион.

Результаты такие. Для тысячи — сто процентов. Все первые тысяча умножений дают тридцать шесть. Для десяти тысяч — примерно половина. Уже меньше. Для ста тысяч — примерно четверть. Для миллиона — примерно пятая часть.

Я смотрю на экран. Это — не «36 исчезает». Это — 36 остаётся, но реже. Бумеранг работает. Но не так часто, как в начале.

Я не считал точно до миллиона. Но я знаю структуру: 45-ки идут с шагом пять. Значит, в среднем каждая пятая строка — не 36. Плотность где-то около двадцати процентов. Может, чуть больше. Может, чуть меньше.

Это — не теорема. Это — эмпирическая оценка. Она приближительна. Я не проверял каждую строку до миллиона. Но структура — шаг пять — известна точно. И из неё следует: 36 не исчезает. Но становится реже.

5.2. Как именно падает плотность

Следующий вопрос: как именно плотность убывает? Линейно? Экспоненциально? Или как-то иначе?

Я не знаю. Это — честный ответ. Я пробовал разные модели. Одна подходила лучше. Другая хуже. Но я не уверен, что это — закон. Может, совпадение. Может, артефакт.

Что я знаю точно: плотность не стремится к нулю. Потому что каждые пять строк есть 45. А между ними — четыре 36. Значит, 36 появляется всегда. Не исчезает. Просто разбавляется.

Я мог бы вывести точную формулу. Но это — отдельная работа. Тут я оставляю это как открытый вопрос. Мне важно не «как именно», а «что не ноль».

Плотность падает. Но не до нуля.

Это — главное.

5.3. Что значит примерно двадцать процентов

Я сижу перед экраном. Смотрю на приблизительное число: около двадцати процентов.

И думаю: что это значит? Это «мало»? Или «много»?

Я представляю. Миллион умножений. Примерно двести тысяч из них дают тридцать шесть. Восемьсот тысяч — другие значения. Сорок пять, пятьдесят четыре, шестьдесят три.

Двадцать процентов — это пятая часть. Это не «постоянно». Но и не «редко». Это достаточно часто, чтобы быть нормой.

И в этот момент я понимаю.

Здоровье — не «постоянно тридцать шесть». Здоровье — достаточно высокая плотность.

Если плотность равна единице — это ригидность. Система застряла. Нет переходов. Нет жизни.

Если плотность равна нулю — это хаос. Система потеряла инвариант. Нет возврата. Нет себя.

Если плотность около двадцати процентов — это петля. Есть тридцать шесть. Есть переходы. Есть возвраты. Это норма.

Я смотрю на картину. Монро смотрит на меня. Молча. Я говорю ей про себя: «Кажется, ты тоже не всё время улыбалась. Были дни, когда улыбки не было. Но она возвращалась. Каждый раз возвращалась».

Она не отвечает. Как всегда.

5.4. Вывод

К концу шестого дня у меня было: понимание, что плотность падает. Понимание, что она не стремится к нулю. Понимание, что примерно двадцать процентов — это норма, а не патология.

И один вывод.

Бумеранг работает статистически. Не «всегда тридцать шесть». Не «иногда тридцать шесть». А с определённой плотностью. Которая убывает. Но не до нуля.

И это — важно. Потому что если бы плотность стремилась к нулю при K к бесконечности, это означало бы: тридцать шесть исчезает навсегда. Бумеранг перестаёт работать. Возвратность — иллюзия.

Но плотность не стремится к нулю. Она убывает медленно. И остаётся больше нуля. Даже при пяти миллионах. Даже при десяти.

Потому что шаг пять — это структура. А структура — не исчезает.

Это — не просто числа. Это — доказательство, что бумеранг реален. Не в теории. А в данных.

Я закрываю ноутбук. Смотрю в окно. Москва. Утро. Первые лучи. Где-то далеко — асфальт, мокрый от ночного дождя. Кто-то идёт на работу. Кто-то не спал всю ночь. Кто-то возвращался.

И я думаю: если бумеранг работает для чисел — почему он не работает для психики?

Он работает.

Я просто пока не знаю как.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какова ваша плотность? За последний месяц: сколько дней вы были в «своём тридцать шесть»? Десять процентов? Тридцать? Пятьдесят? Это «мало» или «норма»?

2. Как меняется ваша плотность? С возрастом — растёт или убывает? После терапии, кризиса, прорыва — что происходит?

3. Что для вас «достаточно высокая плотность»? Двадцать процентов — уже норма? Пятьдесят — идеально? Восемьдесят — подозрительно?

Глава 6. Сколько раз ты вернёшься

1958 год. Калифорния. Шестой день
Она приехала на студию раньше обычного. Не потому что хотела. Потому что не спала.
В гримёрке было пусто. Свет ещё не включили — только лампа у зеркала. Она села. Не стала краситься. Просто сидела.
На столике лежала газета. Кто-то оставил. Свежая. Она развернула.
На третьей странице — заметка. Маленькая. Внизу.
«Кинокомпания сообщает: съёмки фильма с участием Мэрилин Монро идут по графику. Несмотря на задержки.»
Она прочитала. Потом ещё раз.
«Несмотря на задержки».
Она подумала: они считают. Каждый день. Каждую минуту. Сколько я опоздала. Сколько дублей. Сколько раз ушла в трейлер и не вышла.
Она отложила газету.
И подумала впервые за долгое время: а сколько раз я вообще выходила? Сколько раз возвращалась?

* * *

Она стала считать.
Не записывать. Просто в голове.
Вчера — вышла. Тридцать шесть дублей. Значит, тридцать шесть раз входила в кадр. Тридцать шесть раз возвращалась.
Позавчера — не вышла. Совсем. Прoderжали два часа, потом отпустили. Ноль.
День до этого — вышла. Но не до конца. Пять дублей, потом сказала «не могу». Пять.
Сегодня — ещё не знала.
Она смотрела на лампу. Считала.
За эту неделю: выходила шесть раз. Не выходила — три. Пятьдесят на пятьдесят. Половина.
Она подумала: половина. Это много или мало?

* * *

Пришла гримёрша. Включила свет. Начала раскладывать кисти.
Мэрилин смотрела на неё в зеркало.
— Скажите, — сказала она. — Вы когда-нибудь считали?
Гримёрша остановилась.
— Что считала, мисс Монро?
— Ну... сколько раз у вас что-то получалось. А сколько — нет.
Гримёрша подумала.
— Наверное, — сказала она. — Но не специально. Например, сколько раз я начинала диету. Сколько раз бросала. Считала, сколько раз муж обещал что-то и не сделал. Сколько раз я уставала и говорила себе: всё, завтра начну новую жизнь. И начинала. И снова. И снова...
— А если бы посчитали?
— Тогда, наверное, было бы поровну. Или около того.
Мэрилин кивнула.

Поровну. Или около того.

Она подумала: значит, я нормальная. Значит, у всех так. Половина. Или около того.

Но она не была уверена. Потому что у всех — не на глазах у всех. У всех не считается каждая задержка. У всех не пишут в газетах: «несмотря на задержки».

* * *

Днём — съёмка.

Сцена в поезде. Она — Душечка. Играет на укулеле. Поёт. Улыбается.

Она вышла на площадку. Свет. Камера. Билли за монитором.

Она начала. Первый дубль. Второй. Третий.

На четвёртом — сбилась. Не текст. Что-то другое. Голос сел. Свет стал слишком ярким.

Она отошла.

— Ещё раз, — сказала она.

Пятый. Шестой. Седьмой.

На восьмом — получилось. Билли кивнул. «Стоп. Снято».

Она вышла из кадра. Села в кресло. Ноги дрожали.

Она подумала: восемь. Восемь раз входила. Один раз получилось. Двенадцать с половиной процентов.

Она подумала: это мало. Это очень мало.

Она подумала: а может, это нормально? Может, у всех так? Может, у Тони тоже восемь раз, прежде чем получится?

Она посмотрела на Тони. Он стоял у окна. Смеялся с кем-то. У него получилось с первого. Может, со второго. Она не видела.

Она отвернулась.

* * *

Вечером — трейлер.

Она сидела одна. Смотрела в окно. Темнота. Огни. Далеко.

Она думала: сколько раз я возвращалась?

За всю жизнь. За все фильмы. За все дни.

Она не знала. Никто не считал. Но она чувствовала: с каждым годом — реже. Возвращаться — всё труднее. Оставаться — всё легче.

Она подумала: если это продолжится. Если плотность будет падать. Что тогда? Когда возвращаться станет так редко, что можно будет сказать: не возвращается вообще?

Она не знала.

Она боялась.

Потому что если бумеранг перестанет возвращаться — это уже не бумеранг. Это просто камень. Улетел — и всё.

Она не хотела быть камнем.

Она хотела быть бумерангом. Даже если редко. Даже если двенадцать процентов. Даже если пять.

Главное — не ноль.

* * *

Ночью — отель.

Она лежала. Смотрела в потолок.
В голове — числа. Восемь. Один. Восемь. Один.
Восемь раз вошла. Один раз получилось.
Она подумала: если так каждый день. Восемь и один. Восемь и один. То за год — сколько?
Она стала считать. В уме. Медленно.
Триста дней съёмки. Восемь и один каждый. Двести сорок раз вошла. Тридцать раз получилось.
Тридцать. За год.
Она подумала: это мало. Это очень мало.
Но потом подумала: а если считать не «получилось», а «вернулась». Просто вернулась.
Вышла из кадра — и снова стала собой. Не важно, хорошо или плохо. Просто вернулась.
Тогда — двести сорок. Двести сорок раз вернулась.
Она подумала: это уже не мало. Это уже жизнь.
Она закрыла глаза.
Двести сорок раз. За год. Каждый год. Столько лет.
И каждый раз — возвращение. Даже если на секунду. Даже если ненадолго.
Она подумала: значит, я не камень. Значит, я бумеранг. Даже если плотность падает.
Даже если редко.
Главное — не ноль.
Она повернулась на бок. Одеяло сбилось.
Она подумала: завтра. Восемь и один. Или пять и три. Или ноль и всё.
Не важно.
Важно, что завтра — будет.
Она уснула.

* * *

Утром она проснулась от того, что зазвонил телефон.
Не сразу поняла, где она.
Потом вспомнила: съёмки. Опять.
Она села. Ноги на пол.
Пошла в ванную. Посмотрела в зеркало.
Блондинка. Тридцать два. Ещё можно. Ещё возвращается.
Она взяла тушь.
Рука не дрожала.
Пока.
Она подумала: ещё один день. Ещё восемь. Ещё один. Может быть.
Она закончила с ресницами. Посмотрела на себя.
Уголок губ. Чуть вверх.
Хорошо.
Оделась. Взяла сумочку. Вышла.
Дверь закрылась.
В комнате остался запах духов. И вмятина на кровати.
А число — восемь и один — она забрала с собой. Оно всегда с ней. И это — не груз.
Это — счёт. Живой. Дневной.
Как уносят ключ. Как уносят имя.

Часть II. Физика

Глава 7. Эффект 2022 года

Седьмой день. Вечер. Кухня. Москва

На столе — ноутбук. Открытая статья. Рядом — три листа блокнота, исписанных от руки. Кружка остывшего чая. На стене — Монро. Смотрит. Молчит.

Я читаю. И постепенно понимаю: они говорят о том же.

7.1. Эксперимент

Я наткнулся на эту статью случайно. Пролистывал научные новости — не искал ничего конкретного, просто листал ленту. Название было скучное, академическое: «Quantum Boomerang Effect Observed in Ultracold Atoms». Авторы — команда из нескольких лабораторий США и Европы. Дата — 2022 год. Я открыл. Прочитал. И остался сидеть.

Вот что они сделали.

Взяли газ из ста тысяч атомов лития. Поместили в магнитную ловушку — это устройство, которое удерживает атомы в вакууме и не даёт им разлететься. Охладили почти до абсолютного нуля — до температуры в миллиардные доли градуса выше минус двести семьдесят три. При такой температуре атомы перестают вести себя как отдельные частицы и начинают вести себя как одна большая волна.

Зачем так холодно? Потому что при комнатной температуре атомы движутся хаотично, сталкиваются, мешают друг другу — и никакой чистой картины не увидеть. При сверхнизких температурах хаос уходит. Остаётся структура.

Дальше — самое интересное. Они нанесли серию из двадцати пяти лазерных ударов. Каждый удар — это короткий импульс, толчок. Атомы сместились со своих позиций. Сначала — немного. Потом — сильнее. Казалось, что они улетают.

И тут произошло то, чего никто не ждал. Первые несколько ударов импульс рос — атомы действительно уходили дальше. Но добавление следующих ударов не увеличивало импульс. Наоборот. Импульс начал падать. К двадцать пятому удару средний импульс вернулся к нулю.

Атомы вернулись туда, откуда начали. Не «примерно». Не «в среднем». Точно.

Я откинулся на спинку стула. Посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Молча. Я сказал ей про себя: «Погоди. Это же уже было. Где-то я это уже видел».

7.2. Почему это произошло

Физики объяснили это так.

В квантовом мире частица — не точка. Это волна. У волны есть фаза. Когда две волны встречаются, они могут усилить друг друга — это называется конструктивной интерференцией. А могут погасить друг друга — деструктивной. В этом эксперименте произошло второе.

Каждый лазерный удар создавал волну. Волны начали взаимодействовать. И в некоторых случаях — гасили друг друга. Не потому что кто-то так решил. А потому что такова структура квантовой системы.

Средний импульс стал равен нулю. Потому что диссипация — то есть интерференция — компенсировала потенциал. Атомы вернулись. Не «иногда». А структурно.

Я прочитал это и замер. Потому что увидел знакомую формулу. Только с другими буквами. У меня было: видимая сумма равна скрытой сумме минус девять, умноженное на число

переносов. У них было: средний импульс равен скрытому потенциалу минус диссипация. Это — одно и то же. Просто в разных системах.

Я взял лист бумаги. Начал писать.

7.3. Параллель

Я написал две колонки. Слева — то, что я нашёл в числах. Справа — то, что они нашли в атомах.

В числах я умножал 39996 на k . В физике они били по атомам лазером. У меня была сумма цифр — $S(k)$. У них — средний импульс — $I(k)$. У меня тридцать шесть держалось для k от одного до пяти тысяч двух. У них импульс рос для первых ударов. У меня на пяти тысяч трёх сумма прыгнула в сорок пять. У них импульс достиг пика и начал падать. У меня на пяти тысяч четырёх сумма вернулась в тридцать шесть. У них после двадцати пяти ударов импульс вернулся к нулю.

И там, и тут были скрытые величины. У меня — S_{hidden} , сумма вкладов до переносов. У них — I_{hidden} , потенциал волны до интерференции. И там, и тут были диссипативные члены. У меня — переносы, P . У них — интерференция, $I_{\text{dissipation}}$. И там, и тут работала одна и та же формула: видимая величина равна скрытой минус потери.

Я смотрел на две колонки и понимал: это не совпадение. Это одна структура. Просто я нашёл её в арифметике, а они — в физике. Мы оба смотрели на бумеранг. Только с разных сторон.

Я отложил ручку. Посмотрел на картину. Монро смотрела на меня. Молча. Я сказал ей про себя: «Ты знаешь, что это значит? Это значит, что я не один. Кто-то ещё это видел. Просто раньше. И в другой области».

7.4. Вывод

К концу седьмого дня у меня было: статья 2022 года, эксперимент с атомами лития, параллель с моей теорией.

И один вывод.

Квантовый бумеранг — не метафора. Это физический факт. Подтверждённый экспериментально. В лаборатории. Со ста тысячами атомов. С двадцатью пятью лазерными ударами. С измеренным средним импульсом.

И это — точно как 39996. Удары — умножение на k . Отлёт — переход от тридцати шести к сорока пяти. Возврат — тридцать шесть снова.

Одна структура. Два домена. И один принцип: то, что улетает, возвращается. Не потому что так надо. А потому что такова структура системы.

Я сидел и смотрел в окно. Москва. Ночь. Где-то далеко — лаборатория в Стэнфорде, где сейчас, может быть, кто-то тоже сидит над статьёй и думает: «Погоди. Это же уже было». Где-то в Голливуде, шестьдесят шесть лет назад, женщина смотрела в зеркало и не узнавала себя. Где-то в Нью-Джерси, шестьдесят шесть лет назад, физик смотрел на формулу и думал: «Вернётся».

И я — здесь. На кухне. С остывшим чаем. С картиной на стене.

Если это работает для чисел... И для атомов... Почему это не работает для психики?

Работает. Я просто пока не знаю как.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Где в вашей жизни есть «лазерные удары»? Что вас толкает с места? Стресс? События? Требования? Что заставляет двигаться — не по своей воле?
2. Что происходит после ударов? Вы улетаете навсегда? Или возвращаетесь? Если возвращаетесь — как часто? Через сколько времени? Что помогает вернуться?
3. Узнаёте ли вы свою интерференцию? Где ваши волны нейтрализуют друг друга? Где вы сами себе мешаете — не внешними действиями, а внутренним сопротивлением? Что гасит ваш импульс — и что возвращает?

Глава 8. Почему волны возвращаются

1958 год. Калифорния. Седьмой день
Утро. Она проснулась от того, что кто-то стучал в дверь номера.
Не сразу поняла, где она. Комната — серая. Свет — серый. Платье вчерашнее, помятое, на стуле.
Стук повторился.
— Мисс Монро? Машина уже ждёт.
Она не ответила. Лежала.
Потом встала. Медленно. Подошла к двери. Открыла.
Перед ней стоял шофёр. Молодой. Лет двадцати пяти. Смотрел в сторону. Не в глаза.
— Машина ждёт, — повторил он.
— Я знаю, — сказала она.
Закрыла дверь.
Прислонилась к ней спиной. Стояла.
В голове — вчерашнее. Восемь. Один. Восемь. Один.
Она подумала: если сегодня снова восемь. Если снова один. Сколько это будет?
Не досчитала. Пошла в ванную.

* * *

Днём — съёмка. Не в павильоне. На натуре. пляж. ОТЕЛЬ «Дель Коронадо». Солнце. Ветер. Песок.
Она стояла у воды. Босиком. Платье развевалось. Камера — далеко. Билли махал рукой.
Она должна была играть сцену. Весёлую. Душечка — счастлива. Душечка — поёт.
Она открыла рот. И ничего не вышло.
Первый дубль. Второй. Третий.
Ничего.
Она смотрела на воду. Волны приходили и уходили. Приходили и уходили. Ударялись о берег. Откатывались. Возвращались.
Она стояла и смотрела. Долго.
Билли крикнул:
— Мэрилин! Ты с нами?
Она не ответила.
Она смотрела на волны.
И думала: они возвращаются. Каждая. Ударится о берег — и возвращается. Снова и снова. И ничего с этим не делается.
Она подумала: а я? Если я уйду — вернусь ли?
Она не знала.

* * *

На перерыве к ней подошёл ассистент режиссёра.
Мужчина лет сорока. Немного неуклюжий. Очки. Рубашка навывпуск. Он держал папку с расписанием и всё время что-то в ней листал. Она видела его на площадке каждый день, но ни разу с ним не говорила.
Он сел рядом. Не на стул — прямо на песок. Она посмотрела на него. Удивилась.

— Простите, — сказал он. — Я просто хотел сказать. Я видел, как вы смотрите на воду.
— И что?
— Я тоже смотрю на воду. Раньше смотрел. По профессии.
Она усмехнулась.
— По профессии?
— Я был физиком, — сказал он. — До того, как попал в кино.
Она замолчала.
— Почему ушли?
Он пожал плечами.
— Не знаю. Наверное, надоело смотреть на то, что нельзя потрогать. На атомы, на волны.
Захотелось чего-то живого.
Он кивнул на площадку. На людей. На неё.
— Ну и вот. Теперь у меня расписание, кофе и сто дублей одной и той же сцены.
Она тихо засмеялась. Впервые за день.
— И как? — спросила она. — Лучше, чем атомы?
— Не знаю, — сказал он. — Атомы хотя бы возвращаются.
Она замерла.
— Как — возвращаются?
— Их запускаешь — они улетают. А потом возвращаются. Все. До одной. Как бумеранг.
Не потому что кто-то их зовёт. А потому что так устроено.
Она смотрела на него.
— Это как волны? — спросила она. — Как эти?
Она показала на океан.
— Да, — сказал он. — Как волны. Только меньше.
Она долго молчала. Потом сказала:
— А люди?
Он не понял.
— Люди — тоже?
Он посмотрел на неё. Внимательно. Без улыбки.
— Я не знаю, — сказал он. — Я только про атомы. Но если это работает для них...
наверное, и для людей. Мы ведь тоже из атомов.
Она кивнула.
Он встал. Отряхнул брюки от песка.
— Мне пора. Расписание.
Она кивнула.
Он пошёл. Потом обернулся.
— Мисс Монро.
— Да?
— Знаете, что я понял за эти дни?
Она ждала.
— Атомы возвращаются, потому что у них нет выбора. А вы — возвращаетесь, потому что выбираете.
Она осталась сидеть. Смотреть на волны.

* * *

Вечером — отель.
Она сидела у окна. Смотрела на океан. Темно. Только белые гребни. Волны приходили и уходили.

Она думала: этот физик сказал — возвращаются. Все. До одной. Не потому что кто-то зовёт. А потому что так устроено.

Она подумала: значит, я вернусь. Даже если уйду далеко. Даже если насовсем уйду в роль. Даже если забуду, кто я. Вернусь.

Она подумала: но он сказал — все. А если я — исключение? Если я — та, которая не вернётся?

Она не знала.

Она смотрела на волны.

И вдруг подумала: а ведь это происходит не в первый раз. Она это уже видела. Раньше. Когда-то. Может, в детстве. Может, в юности. Когда жила у моря. Волны приходили и уходили. И она смотрела.

Она подумала: я это уже знаю. Просто забыла.

Она встала. Подошла к телефону. Набрала номер.

— Артур? — сказала она. — Это я.

Пауза.

— Я не могу говорить долго. Просто хотела услышать голос.

Пауза.

— Нет. Всё хорошо. Просто... Я сегодня видела волны. И вспомнила.

Пауза.

— Что всё возвращается.

Пауза.

— Нет, я не пьяна. Я просто... Я просто хотела сказать.

Пауза.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Она положила трубку.

Постояла.

Потом вернулась к окну.

Волны. Волны. Волны.

Она смотрела.

* * *

Утром она проснулась раньше будильника.

Подошла к окну. Океан. Серое небо. Волны. Волны. Волны.

Она смотрела долго.

Потом пошла в ванную. Посмотрела в зеркало.

Блондинка. Тридцать два. Морщинки у глаз. Вчерашние. Или сегодняшние. Не поймёшь.

Она взяла тушь.

И тут заметила: рука дрожала.

Чуть-чуть. Почти незаметно. Но дрожала.

Она остановилась. Посмотрела на руку. Потом на себя в зеркало.

Она подумала: вчера не дрожала. Позавчера не дрожала. А сегодня — дрожит.

Она подумала: значит, что-то меняется. Или не меняется. Или это просто усталость. Или это просто утро.

Она не знала.

Она подождала. Рука дрожала.

Она опустила тушь. Постояла. Подышала.

Потом взяла снова. Медленно. Осторожно.

На этот раз — почти не дрожала. Почти.

Она закончила с ресницами. Посмотрела на себя.
Уголок губ. Чуть вверх.
Не получилось. Уголок дёрнулся. Опустился.
Она попробовала снова.
Получилось. Чуть-чуть.
Хорошо.
Она оделась. Взяла сумочку.
У двери остановилась. Обернулась. Посмотрела на окно. На океан.
Волны.
Она подумала: они вернутся. Завтра. И послезавтра. И всегда.
И я вернусь. Может быть.
Она открыла дверь.
Вышла.

Глава 9. Почему физика подтверждает математику

Восьмой день. Утро. Кухня

Я перечитываю статью про квантовый бумеранг. Третий раз. Но теперь — с другим вниманием. Я ищу не просто параллели. Я ищу причину.

Почему физика и математика говорят об одном? Почему атомы лития ведут себя так же, как число 39996? Почему одна структура — в двух разных доменах?

Я сижу, смотрю на экран, делаю пометки на полях. Рядом — чашка кофе, уже остывшая. На стене — Монро. Смотрит. Молчит.

И постепенно понимаю: структура — глубже домена.

9.1. Волновая природа

Первое, что я замечаю: в квантовом мире частица — это волна.

У волны есть амплитуда. Фаза. Частота. Когда волны накладываются друг на друга, происходит интерференция. Это — не метафора. Это — математика.

И тут я останавливаюсь.

Потому что вижу: это точно как переносы в арифметике.

В арифметике есть скрытая сумма — S_{hidden} . Это «потенциальная волна». Есть переносы — это «интерференция». Есть видимая сумма — S . Это результат наложения.

В физике есть скрытый потенциал — I_{hidden} . Есть диссипация — интерференция. Есть видимый импульс — I . Результат наложения.

Одна структура. Две интерпретации.

Я делаю пометку в блокноте. Волновая природа — не только в физике. В арифметике S_{hidden} «распространяется» по разрядам — как волна по воде. В физике волна распространяется в пространстве. В психике потенциал «распространяется» по состояниям.

Это — одна и та же структура. Только в разных средах.

9.2. Скрытая сумма как волна

Второе, что я замечаю: S_{hidden} ведёт себя как волна.

Когда я умножаю 39996 на k — вклады распределяются по разрядам. Каждый вклад — как камень, брошенный в воду. Волна идёт от места падения. Когда две волны встречаются в одном разряде, они накладываются.

Если сумма в разряде больше девяти — происходит перенос. Это — как деструктивная интерференция. «Лишние» девять единиц исчезают из видимой суммы. Волна гасится.

Я рисую схему на листе. Разряд ноль — вклад двенадцать. Записываю два, переношу один. Разряд один — вклад восемь плюс перенос один — девять. Записываю девять. Разряд два — вклад ноль. Записываю ноль.

Каждый перенос — это потеря девяти единиц из видимой суммы. Как потеря импульса при интерференции.

Я смотрю на схему. И думаю: «Это же волны. Просто записанные в разрядах». S_{hidden} — волна в пространстве разрядов. Переносы — интерференция между вкладами. S — результат наложения.

Я записываю это в блокнот. И рядом — маленький рисунок: две волны, одна накладывается на другую, в точке пересечения — гашение.

9.3. Неупорядоченность как условие

Третье, что я замечаю: в статье сказано — бумеранг работает в неупорядоченной системе. Я останавливаюсь на этом слове. Неупорядоченной. Не хаотической. Не упорядоченной. В упорядоченной системе — атомы улетают. Импульс растёт. Нет возврата. Всё линейно. Всё предсказуемо. Нет петли.

В хаотической системе — атомы теряются. Импульс случайный. Нет инварианта. Нет структуры. Нет возврата.

А в неупорядоченной со структурой — атомы возвращаются. Импульс идёт к нулю. Есть бумеранг.

Я откидываюсь на стул. Смотрю на картину. Монро смотрит. Молчит.

И я думаю: «Подожди. Психика — тоже неупорядоченная система». Не порядок — это ригидность. Не хаос — это психоз. А неупорядоченность со структурой — это жизнь.

Я записываю: порядок ведёт к линейности, и возврата нет. Хаос ведёт к распаду, и инварианта нет. Неупорядоченность со структурой ведёт к бумерангу.

И тут же рядом — три слова. Числа. Атомы. Психика. Всё — неупорядоченные системы. Всё — со структурой. Всё — возвращается.

9.4. Вывод

К концу восьмого дня у меня было: волновая природа S_{hidden} , переносы как интерференция, неупорядоченность как условие.

И один вывод.

Бумеранг — не случайность. Бумеранг — структурное свойство неупорядоченных систем. С накоплением. С диссипацией. С возвратностью.

Это работает для чисел. Для атомов. Для психики.

Одна структура. Три домена.

Я закрываю статью. И думаю: «Теперь — психика. Теперь — я. Теперь — бумеранг».

Я отпиваю кофе. Холодный. Не замечаю. Смотрю на картину. Монро смотрит. Молчит. Я говорю ей про себя: «Физика подтвердила математику. Значит, она подтвердит и тебя. И меня. И всех, кто возвращается».

Она не отвечает. Как всегда.

Но я знаю: это — правда.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Где вы — порядок? Где вы ригидны? Где нет возвратов, потому что нет переходов? Что вы делаете «всегда одинаково» — и это не жизнь, а форма?

2. Где вы — хаос? Где вы потеряли инвариант? Где нет возврата к «своему тридцать шесть»? Что в вашей жизни потеряло форму?

3. Где вы — неупорядоченность со структурой? Где есть и переходы, и возвраты? Где бумеранг работает? Это — то место, где вы живы.

Глава 10. Восьмой день и восемь дублей

1958 год. Калифорния. Восьмой день
Она приехала на студию. Опоздала. На сорок минут. Все уже ждали.
Она вышла из машины. Не извинилась. Никто не сказал ей ничего. Все смотрели. Молча.
Она прошла мимо. В гримёрку.
Села. Закрывает глаза.
Гримёрша начала работать. Молча. Не спрашивала. Уже знала: сегодня лучше с ней не говорить.
Через двадцать минут — на площадку.

* * *

Сцена. Павильон. Декорации — гостиничный номер. Она — Душечка — разговаривает с Джо. Джо — Тони Кёртис. Он в костюме. Она в платье.
Билли за монитором. Хлопнул в ладоши.
— Мотор.
Она вошла в кадр. Свет. Камера.
Текст. Она его знала. Знала наизусть. Но каждый раз, когда начинала — что-то шло не так. Не забывала. Просто уходила. Куда-то. Как будто её здесь не было.
Первый дубль. Второй. Третий.
Тони терпел. Он всегда терпел. Он был профессионал. Он делал своё дело. Смотрел на неё. Ждал.
На седьмом дубле он сказал:
— Мэрилин. Посмотри на меня.
Она посмотрела.
— Ты здесь. Я здесь. Мы просто разговариваем. Ничего больше.
Она кивнула.
— Хорошо.
Восьмой дубль.
Получилось.
Билли крикнул: «Стоп. Снято».
Она вышла из кадра. Села в кресло. Руки дрожали. Опять. Как утром.
Она подумала: восемь. Опять восемь.
Она подумала: но получилось. На восьмом.

* * *

Перерыв.
Она сидела в тени. У стены павильона. Подальше от всех.
Ассистент режиссёра — тот, бывший физик — проходил мимо. Увидел её. Остановился.
— Можно?
Она кивнула.
Он сел рядом. Не близко. На расстоянии.
Молчали.
Потом он сказал:
— Восемь дублей. Это много.

— Я знаю, — сказала она.
— Нет, я не в том смысле. Я в том, что это структурно.
Она посмотрела на него.
— Как это — структурно?
Он поправил очки.
— В физике есть такое понятие — неупорядоченная система. Это когда нет жёсткого порядка, но нет и хаоса. Что-то среднее.
— И что?
— В таких системах возврат возможен. В упорядоченных — нет. Там всё линейно. Раз — и улетело. В хаотических — тоже нет. Там всё теряется. А в неупорядоченных — есть.
Она смотрела на него.
— А я — какая?
Он посмотрел на неё. Прямо. Без улыбки.
— Вы — неупорядоченная. Как атомы лития.
Она не поняла.
— Это хорошо или плохо?
— Это нормально, — сказал он. — Это значит, что вы возвращаетесь. Не всегда с первого раза. Иногда с восьмого. Но возвращаетесь.
Она молчала.
Он продолжил:
— В упорядоченной системе не было бы восьми дублей. Было бы один или два. Раз — и всё. Но там не было бы и жизни. Только механизм.
— А в неупорядоченной?
— В хаотической было бы восемь, потом ещё восемь, потом ещё. И никогда — результата. Просто шум.
Она кивнула. Медленно.
— А у меня — восемь, и результат.
— Да, — сказал он. — Восемь, и результат. Потом ещё восемь, и снова результат. Это — бумеранг. Вы улетаете на семь дублей. А на восьмом возвращаетесь.
Она долго молчала.
Потом сказала:
— Значит, я нормальная.
Он кивнул.
— Значит, вы нормальная.
Он встал. Отряхнул брюки.
— Мне пора. Нужно готовить следующую сцену.
Она кивнула.
Он пошёл.
Она осталась сидеть.
Восемь, и результат. Восемь, и результат. Восемь и один.
Она подумала: это не провал. Это — структура.
Она подумала: я не сломана. Я — просто неупорядоченная система. Как атомы. Как волны. Как всё, что возвращается.
Она сидела. Смотрела в стену.
И впервые за долгое время — не считала.

* * *

Вечером — отель.

Она сидела у окна. Океан. Волны. Приходили и уходили.

Она больше не считала их. Просто смотрела.

Она думала: он сказал — неупорядоченная. Как атомы. Как литий. Значит, я — не ошибка. Значит, я — как все. Просто у всех это не на глазах. А у меня — на глазах.

Она подумала: значит, те дни, когда не возвращаюсь — не сбой. Это — тоже часть структуры. Как хаос, который не побеждает. Как порядок, который не сковывает. Просто я — посередине. Где жизнь.

Она подумала: и рука дрожит. Сегодня дрожала. Утром. И на площадке. Это — тоже структура? Или это — что-то другое?

Она не знала.

Она посмотрела на свою руку. Лежала на подлокотнике. Спокойная. Не дрожала.

Она подумала: значит, не всегда. Значит, возвращается.

Она улыбнулась. Чуть-чуть. Не для камеры. Для себя.

Впервые за много дней — для себя.

* * *

Утром она проснулась раньше будильника.

Подошла к окну. Океан. Волны.

Она смотрела долго.

Потом пошла в ванную. Посмотрела в зеркало.

Блондинка. Тридцать два. Морщинки у глаз. Вчерашние. Или сегодняшние. Не поймёшь.

Она взяла тушь.

Рука не дрожала.

Она посмотрела на руку. Удивилась. Потом — нет. Не удивилась.

Она подумала: вчера дрожала. Сегодня — нет. Значит, возвращается.

Она закончила с ресницами. Посмотрела на себя.

Уголок губ. Чуть вверх.

Получилось. Сразу.

Хорошо.

Она оделась. Взяла сумочку.

У двери остановилась. Не обернулась. Просто постояла.

Потом открыла дверь.

Часть III. Психика

Глава 11. Формула психической суммы

Девятый день. Кафе на Покровке. Полдень

Я сижу у окна. Передо мной — чашка кофе, уже наполовину пустая. За окном идёт дождь — мелкий, осенний, такой, что не поймёшь, идёт он или просто висит в воздухе. Люди бегут, подняв воротники. Кто-то стоит под козырьком, ждёт.

А я сижу и вспоминаю.

Три дня назад. Кухня. Разговор. Кто-то сказал что-то не то — не оскорбление, а так, мимоходом, но точно в слабое место. И я почувствовал гнев. Сильный. Настоящий. Такой, что в груди стало горячо, и руки сжались под столом, и захотелось сказать что-то резкое — такое, чтобы запомнилось.

Я не сказал. Не показал. Проглотил.

Через час гнев исчез. Я налил себе чай, сел, включил что-то на ноутбуке — и всё. Спокойствие. Как будто ничего не было.

Но что-то было.

И вот сейчас, в кафе, я задаю себе вопрос: куда он ушёл?

Гнев не испаряется. Он не «проходит» сам по себе. Это не погода. Это — состояние. Значит, если оно исчезло из видимого, оно ушло куда-то ещё.

Я отставляю чашку. Достая блокнот. Пишу: «Он ушёл в р».

И начинаю понимать.

11.1. Видимое состояние

Первое, что я определяю: S_{Ψ} — это то, что я осознаю как «мне сейчас так-то».

Когда мне спокойно — S_{Ψ} равно тридцати шести. Когда тревожно — сорока пяти. Когда пусто — двадцати семи. Когда что-то поднимается изнутри, но я не могу это назвать — пятидесяти четырём.

Это — видимое состояние. То, что доходит до сознания. То, что я могу назвать вслух, если кто-то спросит. То, что я могу измерить — хотя бы приблизительно, по шкале от одного до десяти.

Но я замечаю: это — не всё. Утром я чувствую одно, днём — другое, вечером — третье. И если спросить меня «как ты?» — я отвечу чем-то, что не совпадает с тем, что было в полдень. Значит, видимое — это срез. Один слой. Не весь я.

11.2. Полный потенциал

Второе: $S_{\text{hidden}, \Psi}$ — это всё, что есть.

Сознательное плюс бессознательное плюс тело. Всё, что во мне сейчас живёт, — не только то, что я называю.

Гнев, который я не выразил, — он всё ещё во мне. Страх, который я не осознал, — он никуда не ушёл. Напряжение в плечах, которого я не заметил, — оно здесь, прямо сейчас, пока я держу чашку. Всё это — полный потенциал. Он обычно больше видимого. Иногда — гораздо больше. Потому что часть ушла в защиты. Часть — в тело. Часть — в бессознательное. Часть — в то, что я даже не могу назвать словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.